

MC

Ирина Степановская

мне нужны
твои крылья

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
lithian, Ian Dikhtiar, Hung Chung Chih / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Степановская, Ирина.

С79 Мне нужны твои крылья : [роман] / Ирина Степановская. — Москва : Эксмо, 2018. — 448 с.
ISBN 978-5-04-094747-8

После того как скоропостижно скончался возлюбленный Татьяны, ее жизнь остановилась. Пустота заполнила то место, где должна быть душа. Осталась только обида: за что? Но однажды коллега предложила Тане поехать вместе в Париж..

Новый роман Ирины Степановской – о преодолении печали, о возрождении, о помощи и вере в себя, о проблемах вечных, как старинный собор Нотр-Дам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степановская И., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094747-8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ПАРИЖ!

Неожиданно для себя, переступив через тридцатилетний порог своей относительной юности, я пристрастилась к кофе. Я помню, что в детстве мне категорически не нравился его вкус. Потом, в годы студенчества, следуя моде, я кофеек все-таки попивала. Садилась за столик с нашей большой компанией где-нибудь в кафе, неспешно затягивалась сигаретой и покачивала длинной ногой, закинутой на другую. При этом казалась самой себе безусловно элегантной. Через некоторое время после окончания института чувство собственной неотразимости на удивление быстро прошло, сменившись тягой к бытоустройству — обоям, ламинату, цепторовским кастрюлям. Еще позднее наступило время тортиков, конфет и других сладких изысков, закончившееся неминуемым набором лишних килограммов и — как следствие — чередованием одной безуспешной диеты с другой. В общем, в юности мечтая быть оригинальной, самодостаточной и неуязвимой, к тридцать четвертому году своей жизни я оказалась ни в чем особенно себя не проявившей и не сделавшей никакой карьеры, как, впрочем, и многие другие мои сверстницы. Гордиться я могла только одним весьма скромным

достижением — преодолев тягу к тортикам и вернувшись в десятилетней давности джинсы, я научилась есть мало. Большею частью, впрочем, из экономии, чем от силы воли. И поэтому я пристрастилась к кофе. Без него на голодном пайке у меня падало давление и кружилась голова. А поскольку я вовсе не мечтала завалиться в обморок в единственном приличном пальто где-нибудь в метро или на грязном тротуаре, по утрам перед выходом на работу я выпивала две большие чашки крепкого кофе и заедала их тем, что валялось в старом буфете, — огрыском печенья, засохшим куском черного хлеба. Этого хватало на весь день.

И как-то так получилось, что постепенно жизнь стала тяготить меня. Собственной семьи у меня не было, а на любой работе я могла продержаться не более двух лет. Потом меня или сокращали, или я уходила сама. Впрочем, и у большинства моих знакомых семьи были такие, что хоть волком вой. Что же касается работы, я даже толком не помнила своей специальности, записанной в дипломе. Что уж говорить об интересе, если каждое утро я считала, сколько дней еще осталось до выходного.

Я уже не мечтала ни о доме, в котором мне хотелось бы жить, ни о друзьях (старые куда-то после окончания института растерялись, а новых я не приобрела). У меня не было даже собаки, потому что у моей матери была аллергия на шерсть. И ко всему я теперь относилась весьма скептически. Ничто, по большому счету, меня не интересовало.

К тому же по ночам меня часто мучил страх. Он приходил сразу, как только я собиралась заснуть, и нашептывал всякие гадости.

— Вот сейчас тебе тридцать четыре, — привычно вкрадчиво начинал он, стоило мне только закрыть глаза, —... а через год будет тридцать пять. Потом тридцать шесть... Вашу дурацкую контору прикроют... Никуда тебя больше не возьмут, потому что ты уже старая, и тебе придется снова сесть на шею родителям...

В этом месте страх ехидно хихикал.

— Никто тебе не поможет! Ты стала некрасивой и отвратительно одета. У тебя дешевая косметика, а духи, всем одинаковые, подарила на Восьмое марта та самая дурацкая фирма, в которой ты так ненавидишь работать. И весь ваш отдел воняет именно ими, так что, когдаходишь в комнату, кажется, будто зашел в парфюмерную лавчонку на рынке. Ты стала дешевкой. Кому ты нужна?

Я знаю, что никому.

Это вербальное истязание могло продолжаться до тошноты, до сердцебиения, до мучительного чувства тоски, которое ощущалось в горле и мешало дышать. Я переворачивалась с боку на бок, со спины на живот, расплывалась как лягушка, принимала позу эмбриона — ничто не помогало. Мысли вращались в мозгу тяжелыми жерновами, перемалывая и перематывая одно и то же — неудачи и промахи, неудобные ситуации и откровенные предательства. Не спасала и сероватая зыбь за шторами, означающая переход конечной точки ночи в начало рассвета. К этому времени я уже обычно замирала на своем диване, усталая, безвольная и, не смотря ни на что, смертельно хотящая спать.

Но иногда мне удавалось смирить свой страх и не дать ему разгуляться до полного безобразия. Безобразие же заключалось в том, что я явственно

представляла, что вот сию минуту я внезапно превращусь в отвратительную ночную бабочку с жирным брюшком и толстыми хищными лапками, всю покрытую мохнатым слоем тусклой пыльцы. Такие бабочки летом иногда залетали в мое окно. Их неповоротливые тела, похожие на туловища толстых старух в вытертых бархатных кацавейках, с самого раннего детства вызывали во мне отвращение и ужас. Я помню, как в пять или в шесть лет летними вечерами забивалась в угол кровати и смотрела, как бабочки летали по комнате, гипнотизируя меня своим бессмысленным кружением. Они тупо бились в пластмассовый плафон под потолком, оставляя на нем сероватые полосы пыльцы, а к утру замертво падали на ковер, обессиленные от собственной глупости. И тогда мне казалось, что вот так же упаду и я. И буду лежать неподвижная, с задранными кверху скрюченными лапками, будто мертвая. И никто не придет мне на помощь. А через несколько дней в комнату войдет моя мать и небрежно смахнет веником мое тело. Поморщится и унесет его в мусорное ведро. А я буду знать, что она выбрасывает меня — ее единственного ребенка. Но я буду молча наблюдать за этим как бы со стороны, не в силах ни закричать, ни пошевелиться.

И сейчас, в свои тридцать четыре, я вспоминала это так ясно, как будто видела перед собой этих отвратительных бабочек из моего детства — как они кружатся, приближаясь к моему лицу. Я в ужасе наматывала на голову одеяло, как будто эта тканевая защита могла помешать достать меня этим гадким насекомым, и задыхалась. Однако удушье мне помогало. Инстинкт самосохранения оказывался сильнее. Я разматывала голову, кашляла, встава-

ла с дивана и с закрытыми еще глазами шлепала в кухню. Страх отступал, подхрюкивая и ухмыляясь, но я прекрасно знала, что для него наступила лишь временная передышка, до следующей ночи.

По дороге я плотно прикрывала дверь в комнату родителей, чтобы не проснулась мать и не пришла ко мне с разговорами, которых я терпеть не могла. В одиночестве я кипятила воду и варила кофе. Кофе обжигал мне рот и давал энергию. На короткое время становилось легче, до тех пор, пока на сцене не появлялась жаба в розовом распахнутом халате с оборками — жалость к себе.

Ну почему все так по-дурацки сложилось в моей жизни? — с этого пункта я уже не боялась умереть, но начинала давиться слезами. Почему я не родилась в богатой семье какого-нибудь потомственного профессора или политического деятеля, писателя или директора крупного завода? Почему я не смогла воспользоваться даже тем, что имела? Не смогла вовремя выйти замуж за какого-нибудь своего однокурсника, родить ему детей? Сейчас вместе с ним ходила бы по магазинам и ругалась из-за пустяков. Почему я не смогла стать пусть не очень успешной, но по крайней мере не одинокой? Почему? К этому заключительному вопросу моя ночная сорочка на груди была уже вся обмочена слезами. Вперемешку лезли в голову всякие глупости, например, как однажды воспитательница детского сада послала меня в какую-то кладовку за мячом, а я умудрилась заблудиться среди трех дверей, несмотря на то, что ходила в этот детский сад несколько лет. От таких воспоминаний мне становилось только хуже, хотя я не только до сих пор отлично помнила расположение комнат в том старом зда-

нии, но и прекрасно знала ответы на все свои риторические вопросы.

Вот они.

Я не вышла вовремя замуж потому, что никого из тех, кто мне это предлагал, не любила. А тот, кого я любила, на мне не женился. Моя любовь к нему была похожа на огромный блестящий шар, почти десять лет наполненный радостью. Потом шар незаметно начал сдуваться, пока вся радость из него не исчезла, а внутри под блестящей оболочкой остались лишь клочки грязной ваты, комкастой и желтоватой — такой раньше на зиму затыкали окна. И так получилось, что в моей жизни, кроме этой сдувшейся радости, больше ничего не осталось — ни института с его бешеными друзьями, ни родителей с их укоризненными высказываниями о моем неправильном выборе, ни других людей, городов, стран... Да, радости не осталось, а любовь стала мной. Она меня наполнила. Просочилась во все мои клетки, жилы, сосуды, наполнила мозг и сердце и там замерла. Меня, как отдельной единицы, больше не существовало. Столб выглядел таким же бесчувственным, как я. Но столб не был заполнен любовью, а я была.

Самое удивительное, что я теперь никогда не вспоминала ЕГО. И никогда не видела ЕГО во сне, будто кто-то наложил табу на его образ. Теперь другое — бесцветное и скучное — я видела вокруг себя. И это другое составляло всю мою жизнь. А ОН — моя любовь, — он умер. Непредсказуемо, внезапно. И в этот день меня не было рядом с ним. С тех пор прошло более трех лет. Получалось, что из всех моих тридцати четырех жизнь

моя продолжалась на этом свете чуть менее трети — то время, когда я все-таки была с ним. И оттого, что в этом я уж точно бессильна что-то исправить, меня и мучает страх по ночам. А я лечу его кофе. И вот парадокс — после кофе под самое утро я вдруг засыпаю. Сплю еще полчаса или час. Потом от визга будильника просыпаюсь с ужасной головной болью и иду на работу. Вечером приползаю домой, заваливаюсь в своей комнате на диван, включаю беззвучно телевизор и снова пью кофе. И так невыносимо медленно тянется моя жизнь.

Я работаю в конторе, где кроме меня трудятся еще пять или шесть особ женского пола, ничем, на мой взгляд, не примечательных. Я не могу сказать точно, сколько их — пять или шесть, потому что все они похожи друг на друга — как внешне, так и разговорами. Я знаю, что все они моложе меня. Они кажутся мне клонами. В нашей конторе мы занимаемся тем, что оптом продаем парфюмерию одной новой, мало кому известной французской фирмы, которая пытается сделать деньги на своем товаре за счет этикетки — на это покупаются многие. Взяли меня в эту фирму из-за знания языка. По стечению обстоятельств, ближайшая к моему дому школа оказалась «французской», и я честно отбыла в ней срок, равный десяти годам — такой дают за тяжкие преступления. В школу ездили дети со всех концов города, обучение действительно было поставлено по-настоящему, но меня туда взяли случайно — в год, когда мне исполнилось семь, вышло какое-то постановление, что ребенка нельзя не взять на учебу, если он живет на ближайшей

улице. Поэтому оказалось, что за десять лет французский язык был «вбит» в меня на веки веков.

Впрочем, почти все, что случилось в моей жизни, происходило большей частью именно случайно. Пожалуй, за исключением самого факта моего рождения. Моя мать часто и с удовольствием любила рассказывать мне, как долго у них с папой не было детей. Класса до третьего меня эти разговоры пугали — я по своей наивности полагала, что дети берутся откуда-то сами собой, прямо так и появляются в кроватке. Когда же оказалось, что моей матери для того, чтобы я появилась на свет, понадобилось долго лечиться, а лечение для меня всегда было сопряжено со страхом и болью, вместо радости от осознания факта своего рождения я ощутила ужас и тревогу. Смогу ли оправдать столько надежд? И чуть не до окончания школы я чувствовала угрызения совести, что не являюсь блестящей ученицей и не отмечена никакими особенными способностями. Потом, в институте, эти мысли ушли как-то сами собой, но и теперь, когда моя мать собирается пуститься в воспоминания на эту тему, я выхожу из комнаты. Я не могу отделаться от неприятного чувства, что все усилия моих родителей, затраченные на мое рождение и воспитание (а других детей они так и не смогли родить), потрачены впустую.

Так вот, одна молодая особь женского пола, чье рабочее место также по случайному совпадению оказалось рядом с моим, пришла однажды на работу, заварила себе в фаянсовой кружке чай и, совершенно неожиданно повернувшись ко мне (обычно со мной никто не разговаривал без особой необходимости), спросила:

— Не хочешь на неделю поехать в Париж?

Какое-то время при полном молчании остальных ее товарок я осмысливала эти слова. Сначала мне показалось, что я ослышалась. Потом все-таки, мысленно повторив звуки, которые она произнесла, я поняла, что действительно прозвучало «...в Париж». В темени стали ворошиться неповоротливые чурки мыслей.

В Париж. Зачем? В командировку? Не может быть. Кто она такая, эта моя соседка, чтобы предлагать *мне* командировку в Париж? Такая же мелкая служащая, как я. И кто я такая, чтобы *мне* предложили поездку в Париж? Нет, ничего такого быть не может. На всякий случай я переспросила:

— Что ты сказала?

За соседним столом фыркнули. Конечно, они подумали, что до жирафа доходит быстрее. Но моя соседка не стала возводить очи к небу. Она повторила, но уже с некоторым нетерпением:

— Не хочешь поехать со мной на неделю в Париж? Я ищу компаньонку.

В комнате установилась напряженная тишина.

Я поняла, что все остальные варианты были ею уже перепробованы. Осталось спросить у меня. Просто на всякий случай, вдруг соглашусь. Но я не случай. Я не хочу идти у них на поводу. Я уже открыла рот, чтобы отказаться. Но вдруг в моей памяти всплыл розовеющий в преддверии солнечного утра каменный мост через Сену, объединяющий в одно целое два небольших острова. Замелькала перед глазами солнечная зелень в верхушках платанов и жирафьи пятна на их коре. Зазвучали чьи-то шаги — мужские и женские — по усыпанным гравием дорожкам. И я увидела себя — молодую,

безумную и счастливую, шагающую по этому мосту вдоль медлительной реки, огибающей контрфорсы Нотр-Дам. Я падаю со своим любимым на деревянную, покрашенную простой коричневой краской скамейку — вторую на боковой аллее, если считать со стороны острова Святого Людовика. Он обнимает меня, мы хотим мороженого, но его еще не продают в такую рань. На дне его спортивной сумки с белым ремнем через плечо всегда лежит стеклянная бутылочка кока-колы. Он носит ее с собой на всякий случай, если мы вдруг захотим пить. А когда он открывает ее брелком от ключа, нежная пробка со звоном делает полукруг, падает на землю и катится в сторону, заваливаясь на один бок. И тогда я прыгаю за ней, чтобы положить сорванную крышку в пластиковый мешок хлипкой урны. А из открытой бутылки вырывается наискосок легкий дымок, и губы мои припадают к ее круглому твердому горлышку...

Я вдруг почувствовала, что безумно хочу в Париж. Хочу до спазмов в горле, до рези в желудке, до судорог в ногах. В общем, можно было уписаться, так я снова хотела увидеть эту скамейку.

Я посмотрела на свою соседку внимательно, может быть, в первый раз за все то время, которое она работала со мной — год или больше, и спросила:

— Как тебя зовут?

Она растерялась. За моей спиной раздалось возмущенное перешептывание остальных. Мне было на них наплевать. Какое мне было дело, кого и как из них зовут? Я иногда не помнила своего собственного имени. Вернее, это тоже не имело для меня никакого значения.

Она ответила:

— Елена.

Ах да. Когда мне нужно было к ней за чем-нибудь обратиться, губы мои действительно выдавливали что-то похожее на это имя. Я медленно произнесла про себя: «Е-ле-на». Звучало спокойно. С какой-нибудь Ларой, Ирой или Настей я бы не поехала. В звучании имени есть своя магия. Раскатистые, свистящие и шипящие звуки — будируют. Мне же хотелось только спокойствия. Спокойствия души, граничащего с летаргическим сном.

Я спросила:

— Сколько нужно денег?

Она торопливо начала объяснять. Я закрыла глаза. Она замолчала. Тогда я сказала с закрытыми глазами.

— Не надо деталей. Назови общую сумму. Если я найду деньги — я поеду.

Она назвала, но в голосе ее почувствовалось сомнение, правильно ли она поступила, предложив мне составить ей компанию. Я представила, что вот сейчас она откажется от своего предложения, и я не поеду в Париж — затевать поездку одной у меня не хватит решимости. Я взяла себя в руки. Придав своему лицу состояние деловой заинтересованности, спросила:

— Зачем тебе нужна компаньонка?

Она ответила довольно громко, ничего не скрывая, из чего я заключила, что кроме меня все в комнате были в курсе ее дел:

Она сказала:

— Мой друг летит во Францию на три дня на авиасалон своим ходом. Он — летчик. Поэтому мы договорились, что, если я в это же время окажусь